

Порядок на местах, или Борьба с безопасностью¹

MOLOTCH H. (2012). AGAINST SECURITY: HOW WE GO WRONG AT AIRPORTS, SUBWAYS AND OTHER SITES OF AMBIGUOUS DANGER. PRINCETON: PRINCETON UNIVERSITY PRESS. XV, 260 P. ISBN 9780691155814

Андрей Корбут*

Аннотация. В данной рецензии рассматривается книга социолога Харви Молоча «Против безопасности», посвященная одной из наиболее злободневных проблем. Молоч показывает, что доминирующий сегодня способ осмысления вопросов, связанных с безопасностью, не только неэффективен, но и зачастую оказывается источником тех драматических событий, которые он призван предотвращать. Анализируя различные способы поддержания безопасности в метро, аэропортах, общественных туалетах и других «потенциально опасных» местах, Молоч демонстрирует, что «противоядием» от ложно понимаемой безопасности является изучение рутинных практик тех людей, которые, в силу складывающихся обстоятельств или профессиональных обязанностей, создают и поддерживают повседневный социальный порядок «на местах».

Ключевые слова. Безопасность, Харви Молоч, мобильность, социальный порядок, социология повседневности.

2006 год. США. Аэропорт². Точка предполетного досмотра. Женщина на костылях с трудом пробирается через рамку и протягивает сотруднице службы безопасности посадочный талон. «Мэм, — говорит сотрудница, — вы были выбраны для дополнительного досмотра». Позади женщины стоят ее четверо детей, с рюкзаками и билетами в руках. Их тоже придется досмотреть более тщательно. Их и их вещи. «Не могу поверить!» — восклицает женщина. Другой сотрудник пытается ее успокоить: «Мэм, это не мы вас выбрали. Вас выбрала авиакомпания». Именно так учат говорить персонал в подобных ситуациях. Однако досмотр все равно приходится провести. Ситуация неудобна для всех: для женщины, которой тяжело передвигаться и к тому

---

* **Корбут Андрей Михайлович** — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. Email: korbut.andrei@gmail.com

© Корбут А. М., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. Статья подготовлена по результатам проектов ЦФС, поддержанных НИУ ВШЭ: «Культура новой мобильности в пространстве вещей и событий» и «Феномены порядка в мобильных коммуникациях».

2. Эта невыдуманная история приводится в прекрасной статье Барбары Питерсон — журналистки, специализирующейся на авиационной тематике. В 2006 году она устроилась оператором досмотра в один из американских аэропортов, где проработала в течение двух месяцев. См.: *Peterson B. F.* (2007). Inside job: my life as an airport screener // *Condé Nast Traveler*. 2007. March. <<http://www.cntraveler.com/travel-tips/safety-and-security/2007/03/Inside-Job-My-Life-as-an-Airport-Screener>>

же приходится следить за детьми; для стоящих позади нее пассажиров, которые вынуждены задержаться; для сотрудников аэропорта, которые понимают нелепость поиска именно у этих пяти пассажиров взрывчатки или опасных предметов. Но никто ничего не может поделать. Пассажиров для дополнительного досмотра выбирает авиакомпания. Почему была выбрана именно эта женщина? Иногда отбор случаен, иногда нет. После объяснений женщины все становится понятно. У нее умерла мать, и она летит на ее похороны со своими детьми. Билеты пришлось покупать в последний момент. Они не знают, когда вернутся, поэтому билеты куплены только туда. Итого: пять человек, летят вместе, билеты в один конец, куплены в последний момент. Чем это еще может быть, кроме попытки теракта?

Эта вполне рядовая ситуация прекрасно иллюстрирует тот клубок проблем, которым посвящена книга профессора Нью-Йоркского университета Харви Молоча «Против безопасности». Мы видим столкновение трех логик, каждая из которых обладает своими критериями достоверности, предполагает определенные знания и упорядочивает социальные взаимодействия. С одной стороны — логика повседневной жизни, биографии каждого отдельного человека, точнее, групп людей. С другой стороны — логика, предельно отстраненная от обыденности, сведенная к набору четких показателей, которые в конечном итоге могут быть занесены в компьютер и выражены в цифрах. Наконец, есть логика тех, кто осуществляет свою работу, для кого данная ситуация является предметом профессионального внимания и действия. В данном случае это сотрудники службы безопасности аэропорта. Все три логики присутствуют в любой ситуации, тем или иным образом связанной с «безопасностью», однако проблема заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев предметом внимания и интереса оказывается только вторая логика, логика, которую Молоч называет «милитаристической». Почему это проблема? По нескольким причинам.

Прежде всего потому, что в результате применения милитаристической логики увеличивается количество ситуаций, которые тем или иным образом связываются с безопасностью. Помимо террористических актов к таким ситуациям начинают относить природные и техногенные катастрофы, массовые убийства, уличные беспорядки, политические выступления, публичные заявления, издание книг, выпуск музыки, кибератаки и многие, многие другие события и действия. (В конечном счете, возможно, мы придем к тому, что любое событие будет оцениваться как угрожающее безопасности.) Однако по мере расширения числа подобных ситуаций принцип их осмысления и работы с ними остается прежним, и этот принцип сводится к одному слову: «секретность». Все, что касается вопросов безопасности, оказывается в ведении специальных (секретных) служб, окружается молчанием, становится доступно только ограниченному кругу лиц. Однако «секретность благоприятствует безответственности и некомпетентности» (р. 202). Секретность используется для того, чтобы вывести определенные действия из поля зрения как рядовых граждан, так и журналистов и ученых, в результате чего эти действия извлекаются из различных (непредсказуемых) контекстов их восприятия и оценки, помещаясь только в контролируемые контексты. Сужая поле accountability, т. е. «подотчетности», милитаристская логика стимулирует

практики, которые в противном случае считались бы некомпетентными и которые сами являются угрозой безопасности. Молоч как раз пытается вернуть обсуждение безопасности в более широкую область, выступая прежде всего от лица исследователей-социологов, но также отчасти от лица «обычных граждан».

Вторая причина, по которой милитаризация безопасности оказывается проблемой, связана с тем, что милитаристское мышление предполагает только вполне определенные действия, связанные с эскалацией «порядка». «Порядок» в данном случае используется, главным образом как моральная категория: с одной стороны, нужно «восстановить порядок», разрушенный тем или иным событием (или «защитить» порядок от потенциально разрушительного события), с другой стороны, нужно установить виновного/виновных в поспраии «порядка» и восстановить справедливость, т. е. принять «адекватные меры» против виновного/виновных. При этом «адекватные меры» оказываются чаще всего связанными с очень небольшим набором правил и критериев. Однако такое видение порядка слишком узко. Социальные науки демонстрируют, что порядок — это прежде всего социальная категория и что его поддержание и восстановление — гораздо более сложный процесс, нежели это представляется милитаристическому мышлению. Такова вторая задача книги Молоча: показать, каковы механизмы работы социального порядка и почему эти механизмы нельзя свети к однобоким и прозрачным (для узкого круга лиц) правилам современных «специалистов по безопасности».

Название книги — «Против безопасности» — отражает два указанных момента; подзаголовок — «Что мы делаем не так в аэропортах, метро и других неоднозначно опасных местах» — отражает то, каким образом автор решает указанные задачи. Каждая из глав книги (кроме вводной и заключительной) посвящена отдельному эмпирическому примеру, разбирая который Молоч показывает, что именно «не так» сегодня с безопасностью и почему считающиеся «опасными» места не столь очевидно «опасны». Все его примеры связаны с событиями, происходившими или происходящими на территории Соединенных Штатов, однако в них легко найти аналогии с любой другой страной. Милитаристская логика не знает границ (и меры в подозрении к тем, кто находится не только по ту, но и по эту их сторону). Но книга носит не чисто исследовательский и полемический характер. В конце каждой главы Молоч дает ряд конкретных рекомендаций, основанных на его исследованиях и показывающих, как можно немилитаристским образом решать те проблемы, которые связаны с безопасностью в современном мире. Конечно, рекомендации — достаточно спорный жанр для ученого, однако Молоч открыто заявляет в самом начале книги, что его интенции не носят исключительно научный характер. Его основная идеология такова: «Эта книга направлена против безопасности в том виде, в каком она официально практикуется, вместо этого отдавая предпочтение осмысленным способам поддержания жизни и предоставления людям пристойных (*decent*)³ условий» (р. 1).

---

3. Термин «*decency*», который является одним из ключевых для Молоча, достаточно сложно однозначно перевести на русский. Я перевел его здесь как «пристойность», чтобы сохранить этические коннотации.

Тем не менее открыто заявляя свою ценностную установку, Молоч как ученый далее пытается показать, *как именно* официально практикуется безопасность и *как именно* осуществляются осмысленные человеческие практики. Предметом его анализа являются «локализованные» практики, связанные с конкретными местами: общественными туалетами, нью-йоркским метро, точками досмотра в аэропортах, Ground Zero (местом, где стояли разрушенные башни Всемирного торгового центра) и Новым Орлеаном (подвергшимся удару урагана «Катрина»). В каждом случае Молоч высвечивает определенный аспект проблемы безопасности.

В главе 2 автор рассматривает пример, который на первый взгляд имеет весьма косвенное отношение к проблемам безопасности, однако для Молоча является матрицей любого обсуждения данной темы. Речь идет об общественном туалете. Данной темой Молоч занимается давно⁴. В рецензируемой книге он использует ее для формулирования ряда проблем, которые, на его взгляд, касаются любой ситуации, имеющей дело с безопасностью. Дело не столько в том, что общественные туалеты небезопасны для их посетителей (Молоч показывает, что большинство приписываемых им угроз, вроде возможности заразиться или быть ограбленным или изнасилованным, иллюзорны и не подтверждаются данными). Скорее, они являются удобным примером («лабораторией», как говорит Молоч) для осмысления того, «как образом смутная тревога превращается в коллективную утрату» (р. 22). Общественные туалеты *воспринимаются* чиновниками как проблемные места, хотя их проблемность не подтверждается на практике. Тем не менее такое восприятие ведет к тому, что вместо осмысления проблемы чиновники просто избавляются от нее, т.е. закрывают туалеты, чем существенно усложняют жизнь огромному числу людей, хотя многие из них вынуждены, в силу специфики своей профессиональной деятельности, часто пользоваться общественными туалетами (например, таксисты или уличные торговцы). Общество теряет гораздо больше, нежели приобретает, когда страх небезопасности оказывается руководящим мотивом действий тех людей, которые принимают решения. Молоч полагает, что вместо закрытия общественных туалетов необходимо переосмыслить их, и даже предлагает вполне законченный проект устройства общественного туалета.

В главе 3 излагаются результаты исследования нью-йоркской подземки, в ходе которого Молочем и его коллегами было взято множество интервью у работников метрополитена и чиновников МТА (Metropolitan Transportation Authority, Транспортное управление Нью-Йорка), а также собраны наблюдения в самом метро. Молоч убедительно демонстрирует, каким образом *официальной* практике безопасности противостоит *локальная* практика безопасности. С одной стороны, работники метро (машинисты, дежурные на станциях) и пассажиры сами регулируют и решают вопросы, связанные с безопасностью: останавливают или ловят преступников, сообщают о поломках, помогают друг другу в чрезвычайных ситуациях. С другой стороны, Молоч демонстрирует, каким образом меры, направленные вроде бы на поддержа-

---

4. См. опубликованный под его редакцией сборник: Toilet: public restrooms and the politics of sharing (2010) / ed. H. Molotch and L. Norén. New York: New York University Press.

ние безопасности, наоборот, ослабляют ее. Например, установка на входах стальных турникетов в рост человека, призванных решить проблему «зайцев», проникающих в метро без проездного, существенно замедлила выход для пассажиров и привела к образованию очередей. Таким образом, Молоч пытается сместить фокус внимания при обсуждении безопасности с тех действий, которые находятся на виду, к тем действиям, которые обычно не видны, но в которых заключается *реальная* безопасность: «...реальная безопасность обеспечивается контекстуально-чувствительной изобретательностью, проявляемой людьми, на которых не лежит обязанность заниматься безопасностью, — не имеющими специально выделенного бюджета, не располагающими оружием и не распоряжающимися другими людьми» (р. 84). Официальному «машинному» порядку (который оказывается дисфункциональным и ведущим к последствиям, прямо противоположным ожидаемым) противостоит порядок локальный — порядок подлинно *социальный*, поскольку он состоит в социальных взаимодействиях. Разница между этими видами порядка становится критичной в чрезвычайных ситуациях. Например, тем утром, когда башни-близнецы подверглись атаке и вот-вот должны были упасть, в метро был введен в действие официальный регламент, согласно которому все поезда должны были следовать без остановки на станции «Всемирный торговый центр — Кортленд-стрит», которая располагалась под ВВЦ. В то время и в том месте оказался только один поезд. Машинисту было приказано не останавливаться, однако приблизившись к станции и увидев толпу, машинист принял решение забрать людей и тем самым спас сотни жизней. Локальная (профессиональная) логика оказалась более адекватной сложившейся ситуации, нежели логика официальная.

В главе 4 рассматривает проблема безопасности в аэропортах. Сегодня (прежде всего — после 9/11) аэропорт является парадигмальным случаем практики обеспечения безопасности: высокотехнологичной, тщательной, четко регламентированной. Но это также парадигмальный случай того, что Молоч называет «театром безопасности» (р. 118), т. е. такой ситуации, в которой каждый участник играет строго отведенную ему роль. В этой ситуации любое действие и любое поведение оценивается прежде всего с точки зрения безопасности. Как показывает пример, приведенный в начале рецензии, это ведет к тому, что обыденные события могут получать совершенно искаженную трактовку. Спешащие на похороны мама и дети становятся террористической ячейкой. Человек, шутящий про бомбу у себя в ботинке (тоже реальный пример: р. 94), оказывается преступником, собирающимся взорвать самолет. И т. д. и т. п. Локальная ситуация, складывающаяся в местах досмотра, обедняется этой логикой и сводится к небольшому набору параметров, на которых сосредотачивается внимание работников. Молоч называет такое восприятие «близоруким». Недостатком такого восприятия является то, что оно не позволяет различить действительно опасные аспекты ситуации. Когда *все* являются потенциальными злоумышленниками, настоящий злоумышленник получает дополнительный шанс. Когда *все* нервничают по поводу того, можно ли оставить в ручной клади тюбик пасты или бутылку воды, другие причины для нервозности становятся неразличимы. Молоч полагает, что по-

дозрительное поведение становится подозрительным только на фоне нормального, спокойного поведения, поскольку профессиональное восприятие сотрудников аэропорта устроено по принципу гештальта. Сегодня этот гештальтный характер обыденного восприятия не учитывается. Доминирует мнение, что использование новейших, высокотехнологичных устройств решит все проблемы. Однако опыт показывает, что это далеко не так. Молоч документирует как случаи полного провала ряда технических систем, которые находили угрозу даже там, где ее не было, так и примеры неспособности службы безопасности аэропорта найти опасные вещества или предметы в багаже пассажиров. И этих слишком много.

Глава 5 посвящена теракту 11 сентября, точнее, не самому данному событию, а проекту застройки того места, где когда-то находились башни-близнецы. Молоч отмечает, что практика безопасности (и доминирующее в ней сегодня милитаристское мышление) реализуется не только в виде непосредственных военных действий или слежки. Архитектурные проекты тоже являются ее частью. «Использование зданий и городских пространств для придания формы идеям (как и для их уничтожения) издавна является одним из аспектов безопасности» (р. 147). Почти все проекты застройки Ground Zero, которые были представлены на конкурс и среди которых был затем выбран победитель, задумывались как демонстрация того, что террористы не достигли своих целей, что порядок был восстановлен. Однако на деле новый проект оказался простым продолжением милитаристского способа мышления, полагает Молоч, представляет собой не более чем зримое воплощение коллективного страха и гнева. Новая башня, которая возводится на месте двух бывших, символизирует желание «сделать что-то», которое Молоч считает нормальной реакцией на угрожающее или разрушительное событие. Чаще всего это желание первоначально не связано ни с каким конкретным планом. Планы появляются позже, под влиянием ситуационных обстоятельств. Например, как вспоминает Молоч, после падения башен-близнецов люди, которые жили неподалеку (в том числе сам Молоч), начали помогать тем, кто бежал оттуда: покупали им воду, давали телефоны и т. д. Однако проблема заключается в том, что люди, распоряжающиеся властью, не могут показать, что у них нет плана действий, хотя во многих ситуациях его действительно нет. И тогда они действуют наугад. В таких ситуациях «политические лидеры и их эксперты, хотя они на самом деле не знают, что делать, действуют так, как будто они знают» (р. 206). Проект реконструкции Ground Zero, видимо, является одной из наиболее наглядных иллюстраций того, что императив немедленного действия, движимого желанием показать, что «у нас есть план», ведет в тупик.

Наконец, в главе 7 Молоч анализирует события, приведшие к затоплению Нового Орлеана, а также реакцию властей на катастрофу. Он показывает, каким образом природное бедствие многократно усиливается в результате непродуманных человеческих действий. Ураган не был рукотворным, но затопление стало результатом не урагана самого по себе, а урагана, канализированного системой дамб и каналов, что и привело к самым печальным последствиям. Череда предыдущих фортификационных и архитектурных ошибок создала необходимые условия для трагедии, реакция на

которую оказалась совершенно неадекватной. Никто не знал, как действовать, хотя незадолго до этого в данном регионе проводились масштабные учения, моделировавшие действия властей в случае затопления. Анализируя реальные эффективные действия некоторых чиновников, Молоч показывает, что они не следовали формальным правилам, а прямо *нарушали их*. Они не подчинялись приказам и действовали, не ожидая указаний, т. е. самостоятельно принимали решения исходя из складывающейся ситуации. В этом смысле они являли собой пример того, что Молоч называет «нормальной бюрократией» (р. 173), т. е. бюрократией, чувствительной к локальной ситуации, которой он противопоставляет «патологическую бюрократию», ориентирующуюся только на иерархическую систему распределения приказов и писанные правила.

В последней, седьмой главе, как и в первой, Молоч формулирует общий взгляд на проблему безопасности. Этот взгляд имеет три основных компонента: идеологический, теоретический и исследовательский. На основную идеологему Молоча я указывал выше. Здесь можно добавить, что борьба с безопасностью в ее официально практикуемой форме ведет к акцентированию жизненной важности прямых связей между людьми. Реальным ответом на угрозу безопасности должно быть не уничтожение источника опасности (тем более что зачастую непонятно, кто или что это может быть), а расширение социальных связей, поскольку реальная безопасность создается, поддерживается и восстанавливается именно в социальных связях. Без взаимной помощи людей, находившихся внутри ВВЦ, количество жертв было бы гораздо больше. Причем Молоч не ограничивается простой констатацией того, что «простые люди» обеспечивают безопасность эффективнее власть имущих. Он показывает, что сотрудники досмотра в аэропортах, машинисты электропоездов в метро, полицейский в Новом Орлеане и даже чиновники более высокого ранга — все они оказываются эффективны не в том случае, когда жестко придерживаются логики инструкций, а когда принимают решения с учетом локального контекста. Порядок поддерживается «на местах» («on the ground» — Молоч постоянно употребляет этот оборот). Причем локальность и эффективность той или иной практики тем выше, чем ближе действующие к «земле», т. е. к повседневным ситуациям действия. Следовательно, если мы хотим действительно обеспечить безопасность (пока большинство мер, принимаемых в этой области, либо усиливают опасность, от которой они призваны защитить, либо вытесняют опасность в другую область), необходимо прислушаться и присмотреться к тем, кто ее действительно создает. Необходимо отказаться от милитаристского мышления в вопросах безопасности, потому что оно слишком опасно. «Система обыденного порядка есть система безопасности и должна быть основой любой системы безопасности» (р. 214). И этот обыденный порядок обнаруживается на любом уровне — от рядовых горожан до президентов. Данный порядок очень далек от того «порядка», который сегодня прочно ассоциируется с безопасностью («порядок и безопасность» обещают политики во время выборов и после любых трагических событий), но именно он обеспечивает как функционирование современных (любых) обществ, так и безопасность их членов (вне зависимости от их ранга), поскольку сам обеспечивается ими.

Отсюда вытекает возможное направление теоретических поисков, на которое Молоч указывает в последней главе. По его мнению, обыденный порядок характеризуется двумя качествами: неявностью (*tacit*) и обоюдностью (*mutual*). Прояснение этих качеств поможет не только созданию более адекватной концепции социального порядка, но и решению множества проблем, связанных с вопросами безопасности. Такое проявление, в свою очередь, должно предполагать специфическую исследовательскую стратегию: «...необходимо изучать близкие-к-земле практики, примером которых является [взаимопомощь] выживших 11 сентября, но которые должны включать и то, что происходит в гораздо более обыденных условиях» (р. 14). Иными словами, предметом исследования должны стать всевозможные «низовые» практики безопасности. В некотором смысле любая практика предполагает обеспечение безопасности не столько потому, что любой материальный объект может быть опасен, сколько потому, что повседневный социальный порядок, в определенных отношениях достаточно прочный, в других отношениях довольно хрупок. Устанавливаемые в рамках любой практики связи между объектами и действиями с этими объектами могут быть разрушены, поэтому в любой практике существуют механизмы поддержания этих связей. Они и должны стать предметом изучения.

Проблема книги Молоча заключается в том, что ее теоретический и исследовательский потенциал гораздо беднее идеологического. Несмотря на постоянное обращение к эмпирическим данным, он не показывает, как эти данные производятся «на местах». Он лишь констатирует определенные (сами по себе очень интересные и говорящие) факты, возводя затем над ними дизайнерскую (как в широком, так и в узком смысле) надстройку. Наиболее показательным примером такого способа мышления является постоянное апеллирование к различным категориям людей, которые осуществляют те или иные специфические практики. Молоч пишет о том, что люди, отличающиеся гендером, физическими возможностями, расой, национальностью, классом, получают различные преимущества или, наоборот, лишаются определенных возможностей в зависимости от принадлежности к той или иной группе внутри этих широких категорий. Молоч, несомненно, прав в том, что нет никакого «среднестатистического человека», есть по-разному и многочисленно категоризируемые люди, однако он забывает о том, что категории не даны, что категоризация — это постоянная работа. Он не анализирует то, каким образом люди категоризируют друг друга в локальных обстоятельствах деятельности, что важно не только с теоретической, но и с исследовательской точки зрения, поскольку проблема безопасности может быть рассмотрена в том числе как проблема трансформации практик категоризации. Молоч лишь намекает на этот аспект, когда упоминает о том, с какими проблемами сталкиваются различные люди в ситуации, когда безопасность реализуется «на местах» в виде практик категоризации. Например, он указывает на то, что в результате предпринятой нью-йоркским метрополитеном кампании, пропагандировавшей лозунг «Если что-то заметил, скажи» (*If You See Something, Say Something*)⁵, начали

5. Ср. в московском метро: «Просим обращать внимание на подозрительных лиц. Если вы заметите в метро подозрительных лиц, сообщайте об этом сотрудникам полиции или машинисту поезда по переговорному устройству».

возникать ситуации, когда люди категоризируют друг друга определенным образом. Были случаи, когда бдительные пассажиры сообщали о том, что человек, похожий на мусульманина, «считает людей» на станции (р. 55). Оказывалось, что это был просто пассажир, перебиравший четки. Однако Молоч никак не развивает этот пример и не показывает, как изменяются (или не изменяются) повседневные способы категоризации под влиянием тех или иных «мер, направленных на поддержание безопасности».

Еще один аспект, который проходит мимо внимания Молоча, — то, каким образом используется сам термин «безопасность». Отмечая, что этот термин может применяться, например, для получения дополнительного финансирования⁶, Молоч указывает — но лишь указывает — на важную исследовательскую проблему: проблеме использования темы «безопасность» в различных практических обстоятельствах. «Безопасностью» можно оправдывать досмотры в аэропортах, обыски на улицах, закрытие учебных заведений, введение новой системы навигации в метро, судебные решения, изменение дизайна автомобилей, введение новых упаковок для таблеток и т. д. Существует огромное количество практических контекстов, в которых возникает тема безопасности и в которых она определенным образом функционирует. Эти практические контексты ее употребления составляют прекрасный предмет для эмпирических исследований, который игнорируется Молочем.

Наконец, следует отметить еще один слабый момент книги Молоча: все те теоретические принципы, которые он заявляет в тексте, сформулированы в ряде уже существующих исследовательских традиций: символическом интеракционизме, этнометодологии, критической этнографии. Разумеется, книга и не претендует на то, чтобы быть теоретическим трактатом, но она претендует на то, чтобы быть исследованием, однако теоретическая слабость в дополнение к эмпирической узости помещает ее где-то ближе к сфере научной журналистики, чем к собственно науке. Наиболее сильной в исследовательском плане является глава, посвященная нью-йоркскому метро, однако, похоже, ее положительные стороны следует отнести на счет соавтора (и бывшего аспиранта) Молоча — Ноа Макклеяна.

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, книга Молоча — отличный пример того, как перефокусировка исследовательского зрения может дать неожиданные ответы на современные вопросы. Перенесение внимания на то, как безопасность практикуется в обыденных ситуациях⁷, не только способно продвинуть социологию как исследовательскую практику, но и позволяет внести существенный вклад в обсуждение важных проблем, которые не имеют простых решений.

---

6. «Секретные службы заинтересованы в том, чтобы связывать как можно больше своих расходов с обеспечением безопасности и получать тем самым финансирование, которое в противном случае было бы им недоступно» (р. 202).

7. Парадоксально, но в этом контексте «обыденным» оказывается даже такое «экстраординарное» событие, как террористический акт, поскольку он рассматривается с точки зрения того, каким образом разные люди «создают» данное событие «на местах» — как будучи его рядовыми участниками, так и будучи связанными с ним в силу своих профессиональных обязанностей.